

Японские исследования. 2020. № 1. С. 106–129.

Japanese Studies in Russia, 2020, 1, pp. 106–129.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10006

История токийских Олимпиад в XX веке¹

А.Н. Мещеряков

Аннотация. Спорт занимал важное место в идеологических конструкциях Японии как в довоенное, так и в послевоенное время. В XX веке Токио дважды подавал заявки на проведение летних Олимпиад. Первая из них (1940 г.) не состоялась, вторая (1964 г.) стала первой Олимпиадой, которая была проведена вне пределов Европы и Америки. Процесс выдвижения токийской кандидатуры и ход подготовки проливают дополнительный свет на особенности политической и культурной ситуации в довоенной и послевоенной Японии. Сравнительный анализ двух олимпиад позволяет оценить тот огромный путь, который проделала Япония за четверть века. За это время Японии удалось отказаться от довоенного тоталитарного прошлого и прийти к радикально другому пониманию своего места в мире.

Олимпиада по своей сути является инструментом мира и «мягкой силы», что вошло в драматическое противоречие с господствующими настроениями в довоенной политической элите, которая сделала ставку на силу «грубую», и это привело в результате к отказу от проведения Олимпиады 1940 года. В нынешней Японии эти несостоявшиеся игры принято именовать «олимпиадой-призраком» (*мабороси-но оримптикку*). Вместо «настоящей» Олимпиады в том же 1940 г. состоялись Дальневосточные игры, которые неофициально называли «Азиатской Олимпиадой». В послевоенное время Япония стала мирной страной, и все её упования были связаны с «мягкой силой». Такая ориентация обеспечила успешное проведение Олимпиады 1964 года, что позволило японцам существенно повысить самооценку и международный престиж страны. В последующее время государственное внимание к спорту высших достижений ослабевает и повышение престижа страны обеспечивается прежде всего с помощью развития экономики и науки, повышения жизненного уровня, пропаганды культурных достижений. Ставка на «мягкую» силу оказалась намного более действенной для обеспечения достойного места Японии в мире.

Ключевые слова: Токийская Олимпиада 1940 года, токийская Олимпиада 1964 года, МОК, 2600-летний юбилей империи, Нагата Хидэдзиро, Коно Итиро, Кано Дзигоро, Мисима Юкио, Соно Аяко.

Автор: Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор Института классического Востока и античности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – НИУ ВШЭ (адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20). E-mail: meshtorop@yahoo.com

---

¹ Автор выражает глубокую признательность А.М. Горбылёву за помощь в сборе материалов для написания этой статьи.

The history of Tokyo Olympic Games in the 20th century

A.N. Meshcheryakov

Abstract. Sport occupied an important place in the ideological speculations of Japan both in the pre-war and post-war periods. In the twentieth century, Tokyo twice successfully applied for the Summer Olympics. However, the Japanese government refused to support the 1940 Olympics and it did not take place. The Tokyo Olympics of 1964 won full support of the government and became the first Olympics to be held outside of Europe and America. The process of Tokyo nomination and the preparation for the Olympics sheds additional light on the political and cultural situation in pre-war and post-war Japan. A comparative analysis of the two Olympics allows us to evaluate the way that Japan had walked during the quarter of a century. During this time, Japan managed to abandon its pre-war totalitarian past and come to a radically different understanding of its place in the world.

The Olympics is inherently an instrument of “soft power”, which has come into dramatic conflict with the prevailing sentiments in the pre-war political elite, who relied on “brute force”, and this led to the refusal to hold the 1940 Olympics. In present-day Japan, these failed games are commonly referred to as the “Ghost Olympics” (*maboroshi no orinpikku*). Instead of the “true” Olympics, the Far Eastern Games (which were informally called the “Asian Olympics”) were held in 1940. In the post-war period, Japan became a peaceful country, and all her hopes were associated with “soft power”. This policy allowed Japan to host the 1964 Olympics successfully and it increased country's self-esteem and international prestige. After the 1964 Olympics, the government's attention to the sport of higher achievements has been weakened and the country's prestige has been enhanced primarily through the development of the economy and science, the improvement of living standards, and the promotion of cultural achievements. The bet on soft power proved to be much more effective in ensuring Japan's rightful place in the world.

Keywords: Tokyo Olympic Games of 1940, Tokyo Olympic Games of 1964, IOC, 2600-th anniversary of Japanese Empire, Nagata Hidejiro, Kono Ichiro, Kano Jigoro, Mishima Yukio, Sono Ayko.

Author: *Meshcheryakov Alexander N.*, Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of the Classical East and Antiquity, National research university “Higher school of economics” – HSE University (address: 20, Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation). E-mail: meshtorop@yahoo.com

В XX веке Токио дважды подавал заявки на проведение летних Олимпиад. Первая из них (1940 г.) не состоялась, вторая (1964 г.) была успешно проведена. Для Японии это были чрезвычайно важные события, которые являлись отражением глубинных историко-культурных процессов. В отечественной историографии отсутствуют специальные исследования, посвящённые токийским олимпиадам как социокультурному феномену. Хотя их и не так много, но в японской гуманитарной науке такие работы имеются, однако каждая олимпиада рассматривается как изолированное явление, то есть в них отсутствует «сквозной» подход, когда две олимпиады рассматриваются как составляющие одного и того же исторического процесса. Данная статья ставит перед собой именно такую задачу: анализ различий в историческом фоне времени подготовки двух олимпиад, а также демонстрация политической и культурной преемственности этих событий. Такой подход позволяет пролить дополнительный свет на особенности политической и культурной ситуации в довоенной и послевоенной Японии, сравнительный анализ двух олимпиад помогает оценить тот огромный путь, который проделала Япония за четверть века.

Несостоявшаяся Олимпиада 1940 года в Токио: планы, оказавшиеся вне Игры

В декабре 1930 г. мэр Токио Нагата Хидэдзиро (1876–1943) объявил, что город хочет выставить свою кандидатуру на проведение XII летних Олимпийских игр в 1940 г. Цель была обозначена предельно чётко: показать миру «истинный» облик Японии, её культуру. В 1929 г. Нагата совершил кругосветное путешествие и убедился, насколько плохо иностранцы знают Японию. Политическая подоплёка предполагавшейся токийской олимпиады была известна изначально: она рассматривалась не как самостоятельное спортивное мероприятие, а как одно из звеньев грандиозного празднования – в 1940 г. стране предстояло отметить 2600-летнюю годовщину основания империи. Именно столько лет назад легендарный первоимператор Дзимму якобы взшёл на престол, что делало современную Японию самой древней монархией в мире. Западный мир жил по времени Христа, Япония предпочитала жить по времени Дзимму. Для официального летоисчисления использовались две шкалы: такой-то год интронизации Дзимму и девиз правления нынешнего императора. Помимо Олимпиады, другим крупнейшим международным форумом предстояло стать Всемирной выставке, перед организаторами которой ставились те же самые задачи, что и перед Олимпиадой. До этого времени власти Токио подумывали о проведении Всемирной выставки в 1935 г., но теперь мэр заявил, что целесообразно отложить её до юбилейного 1940 г.

В своих выступлениях Нагата напирал на то, что это будут первые Олимпийские игры в Азии – самом большом и самом населённом континенте, а это придаст Играм действительно вселенский размах. Этот аргумент обладал большой притягательной силой для членов Международного олимпийского комитета (МОК), которые и определяли, где следует провести Олимпиаду.

Многие видные деятели поначалу посчитали, что Олимпиада городу не под силу. В их числе были члены МОК Кано Дзигоро (1860–1938) и Киси Сэйити (1867–1933). Столица сильно обновилась в результате огромных восстановительных работ, которые были предприняты после катастрофического землетрясения 1923 г., но всё-таки возможности Токио по сравнению с европейскими или американскими городами казались ограниченными. В 1930 г. Японию посетили всего 13 тыс. иностранцев. В городе было недостаточно спортивных сооружений и европейских отелей, он был расположен далеко от Европы и Америки, переводчиков не хватало, а сами токийцы предпочитали общаться по-японски. Тем не менее, городские власти рассчитывали, что в 1940 г. Японию посетят 100 тысяч иностранных путешественников, каждый из которых принесёт стране тысячу иен (500 долл.) [Хасимото, 2014, с. 49]. В истории Японии ещё не случалось таких масштабных международных форумов.

Нагата Хидэдзиро был не только мэром, но и довольно известным сочинителем хайку, которые он публиковал под псевдонимом «Зелёный ветер». Он вообще любил цветистый дискурс. В 1922 г. он писал: «Прекрасные цветы нашей государственности (*кокутай*) укоренились в груди нашего народа, в которой будто веет благодатным весенним ветром и сияет омытая дождем луна» [Хара, 2008, с. 49]. Поэтическое воображение, вероятно, влияло и на всю его деятельность – он выдвинул «немислимую» идею, усвоить которую были готовы далеко не все. Мир захлестнула великая экономическая депрессия, никто не знал, что делать сейчас, а мэр рассуждал о том, что будет через десять лет.

Разговоры о прибылях были утопией. Вплоть до 1984 г., когда состоялась Олимпиада в Лос-Анджелесе, проведение этих спортивных форумов не приносило дохода. К участию в олимпиадах допускались только любители, на коммерческие проекты, связанные с олимпиадами, имелись серьёзные ограничения. В руководстве олимпийского движения преобладали аристократы, которые не нуждались в деньгах, или же делали вид, что они им не нужны. Так что желание принять Олимпиаду имело прежде всего идейные коннотации. В самом начале олимпийское движение, вдохновляемое идеями своего основателя барона Пьера де Кубертена (1863–1937), считало спорт занятием, которое способно преодолевать границы и сближать народы. То есть бескорыстно предполагалось, что олимпиады могут улучшить мир. Однако с течением времени всё большую роль стали играть политические соображения, тезис Кубертена о том, что участие важнее победы, демонстрировал свою нежизнеспособность, всюду в мире жадно считали, сколько золота, серебра и бронзы привезли домой спортсмены своей стране. Японский истеблишмент тоже чутко уловил, что олимпиаду можно использовать «не по назначению» – совершенно не в тех целях, о которых говорил Кубертен, который являлся уже не президентом МОК, а «почётным президентом», то есть отошёл от активной деятельности и передал своё детище в другие руки.

Поползновения придать олимпиадам патриотический характер наблюдались в Японии и ранее. Так, перед парижской Олимпиадой 1924 года принц Титибу вручил японской команде (состояла из 18 спортсменов) национальный флаг. Начиная с Олимпиады 1928 года (Амстердам) в честь победителей стали исполнять национальный гимн и поднимать национальный флаг. Первые олимпиады были соревнованиями индивидов, но теперь Игры стали всё больше восприниматься как состязание между странами. В 1932 г., когда состоялись Игры в Лос-Анджелесе, эта тенденция проявилась с полной силой. 11 февраля 1932 г. министр просвещения Хатояма Итиро (1883–1959) выступил по новомодному радио, в котором привычно подчеркнул уникальность и непрерывность японской правящей династии. Одновременно он отметил, что дух страны и дух олимпизма идентичны: это мужество, доброта и справедливость [Collins, 2003, p. 46–47]. Император Сёва пожертвовал из своего кармана 10 тыс. иен на посылку японской команды в далёкую Америку. На эти деньги 131 спортсмену пошили униформу. Как и в давние времена, император жаловал своих подданных одеждой, что воспринималось как огромная честь [Мещеряков, 2003]. Добровольные пожертвования на посылку делегации составили 200 тыс., 100 тыс. добавил парламент.

Японская пресса отказалась от более-менее нейтральных описаний спортивных состязаний на Олимпиаде 1932 года, представляя её как арену, на которой 39 стран борются за превосходство. Сами японские спортсмены заявляли, что сражаются за славу Японии и готовы умереть, если посрамят национальный флаг [Collins, 2003, p. 57]. Олимпийские игры, задуманные как торжество мирных намерений, превращались в свою противоположность – арену сражений между командами-государствами.

На Олимпиаде 1932 года японские спортсмены завоевали 18 медалей (из них семь золотых). Это был первый большой успех японского спорта. Предыдущие Игры в Амстердаме принесли только пять. Правда, до американского континента добрались далеко не все европейские атлеты – спорт ещё не стал окончательно делом государственной важности и оплатить дальнюю дорогу сумели далеко не все. И если в Амстердаме выступали 3014 спортсменов, то в Лос-Анджелесе – только 1334 [Суник, 2013, с. 217–218]. Тем не

менее, встречали японскую команду на родине с триумфом, хотя до победителей – американцев – им оставалось очень далеко. Они-то добыли 105 медалей (из них 41 золотую). Отстала Япония и от Италии, Франции и Швеции. Тем не менее, пресса преподносила выступление команды как грандиозный успех, который позволил несколько притушить антияпонский настрой, проявившийся в мире в связи с тем, что в 1931 г. японские войска вторглись в Маньчжурию, где было образовано «независимое» государство Маньчжоуго, которое находилось под полным контролем Японии. Поскольку слишком многие страны осуждали японскую агрессию, в 1933 г. Япония вышла из Лиги Наций – организации, одним из соучредителей которой она являлась. Тогда в Японии заговорили о том, что спорт является «народной дипломатией». Такая дипломатия обращала на себя особенное внимание, поскольку привычная дипломатия потерпела крах. С помощью «народной дипломатии» официальная Япония рассчитывала поднять престиж страны. После окончания Олимпиады 1932 года консул в Лос-Анджелесе Сато Хаято отбил телеграмму в родной МИД. Трезво отметив, что Япония не может соревноваться с Америкой в богатстве, он продолжал: «Наилучшее средство заставить американцев понять, что представляет собой настоящая Япония, – это победить Америку и продемонстрировать ей истинную мощь японцев. Рациональное убеждение здесь бессильно. Американцы впервые почувствовали мощь японцев, когда во время Олимпиады перед десятками тысяч зрителей флаг с восходящим солнцем поднялся на главном флагштоке и прозвучал наш гимн» [Collins, 2003, p. 65].

Японские спортсмены произвели впечатление не только на коренных американцев, но и на японскую диаспору, бурно поддерживавшую своих бывших соотечественников – в Калифорнии проживало немало японских эмигрантов. Во время той Олимпиады впервые велись радиотрансляции, так что и в самой Японии ощущался «эффект присутствия».

Восхищение вызывали не только победы японских спортсменов, но и их поражения. В финальном забеге на пять тысяч метров выступал Такэнака Сёитиро. К концу дистанции он отстал на целый круг, и когда основная группа нагнала его, вежливо уступил дорожку. Зрители и пресса хвалили его как за джентльменско-самурайский поступок, так и за то, что, несмотря на крайнюю усталость, он все-таки сумел закончить дистанцию [Хасимото, 2014, с. 39–40]. Сато Хаято находил, что выступления японских атлетов, в отличие от представителей некоторых других стран, отличал истинный олимпийский дух [Хатано, 2004, с. 50].

Состязались не только спортсмены, но и спортивные деятели. 30 июля 1932 г. на сессии МОК в Лос-Анджелесе Кано Дзигоро официально озвучил желание Токио принять XII Олимпиаду. Кроме Токио, заявки подали Александрия, Барселона, Будапешт, Буэнос-Айрес, Дублин, Милан, Монреаль, Торонто, Рим, Рио-де-Жанейро, Хельсинки. За исключением Рима, Токио и Хельсинки, другие кандидаты быстро выбыли из гонки. Мало кто верил в конкурентоспособность Токио. Основным претендентом считался Рим. В его пользу свидетельствовали и транспортная доступность для европейцев, и «природная» несправедливость, которая должна была быть устранена. Дело в том, что Олимпиаду 1908 года предполагалось провести в Риме, но из-за разрушений, вызванных сильнейшим извержением Везувия в 1906 г., Игры пришлось перенести в Лондон.

Образование Маньчжоуго наделало много вреда Японии и способствовало её международной изоляции, в том числе и в спорте. История Дальневосточных игр ведёт отсчёт с 1913 г., где основными участниками были Япония, Китай и Филиппины, игры проводились с периодичностью в два года. Спортивная ассоциация великой Японии

(*Дайниппон тайику кёкай*) потребовала допустить на Игры в Маниле 1934 г. команду Маньчжоуго, но это вызвало резкое недовольство Китая, у которого отняли Маньчжурию. Компромисса достичь не удалось и манильские игры стали последними. Тем важнее казалась задача по привлечению международного спорта в Японию.

Муниципалитет Токио, спортивные и государственные деятели развили кипучую деятельность по агитации за японскую столицу, что предполагало длительные разезды – изматывающие морские путешествия. Япония была страной геронтократической, её спортивные функционеры были уже немолоды. По дороге из Вены, где в мае 1933 г. проводилась сессия Международного олимпийского комитета, на корабле от приступа астмы скончался член МОК Киси Сэйити.

Ключевыми аргументами в пользу Токио были следующие: впервые Игры будут проведены за пределами Европы или США; Япония представляет собой уникальное сочетание традиции и прогресса; празднование 2600-летнего юбилея империи привлечёт в Токио огромное число людей, которые смогут приобщиться к спорту. Опыт Игр в Лос-Анджелесе показал, что транспортные расходы способны остановить многих спортсменов. Однако Токио пообещал выделить миллион иен в качестве транспортного пособия – беспрецедентное решение в истории олимпиад. Тем не менее, шансы Рима котировались выше, и тогда члены МОК от Японии Сугимура Ётаро (1884–1939) и Соэдзима Митимаса (1871–1948) добились встречи с самим Муссолини. Она была назначена на 16 января 1935 г. Соэдзима чувствовал себя дурно и упал в обморок прямо в приёмной. Муссолини сказал Сугимура, что его коллеге следовало поберечь себя и не являться на встречу, на что Сугимура ответил: Соэдзима всегда держит своё слово. Муссолини восхищённо воскликнул: «Самурай!». 8 февраля поправившийся Соэдзима пообещал Муссолини, что если Олимпиада будет проведена в Токио, то это поспособствует сближению Востока и Запада и миру во всём мире. Муссолини неожиданно согласился снять кандидатуру Рима в обмен на поддержку Японии Олимпиады в Италии в 1944 г. Соэдзима расценил «великодушие» Муссолини как прекрасное проявление духа бусидо [Хатано, 2004, с. 62].

Это было время тёплых отношений Японии с Италией и Германией – 25 ноября 1936 г. они заключили антикоминтерновский пакт. Представители муниципалитета Токио встречались и с Гитлером. Они подарили фюреру шёлковую накидку с гербами. Он обещал поддержать кандидатуру Токио. В «Майн кампф» Гитлер крайне презрительно отзывался о японцах: они преуспели только в подражательстве, их культура – лишь отражение света луны, а их единственное достоинство заключается в том, что им удалось избежать еврейского порабощения. Однако теперь, спустя 11 лет после публикации книги, японцы стали его добрыми друзьями. До прихода к власти Гитлер относился к олимпиадам как к еврейской затее, но потом сообразил, что их можно использовать в пропагандистских целях.

Муссолини не имел формального права распоряжаться олимпийской заявкой Рима. Итальянский НОК узнал о его решении задним числом, но слово премьер-диктатора оказалось решающим. Олимпиада стала к тому времени довольно громоздким мероприятием, и без государственной поддержки провести её было невозможно. Возмущался итальянский НОК, возмущались и многие члены Международного олимпийского комитета, ибо эта межгосударственная сделка (первая за историю олимпийского движения) ставила под сомнение авторитет МОК.

Для того, чтобы «подмаслить» МОК, Япония пригласила его президента, бельгийского графа Анри де Байе-Латура (1876–1942), в «частную поездку» по стране, в результате которой он вдруг стал решительно поддерживать кандидатуру Токио. При этом он принудил японскую сторону увеличить субсидию на транспорт для спортсменов до 1 млн 500 тыс. иен и гарантировать командировочные расходы для 200 функционеров МОК в размере 5 золотых долл. в день. Неизвестно, получил ли он сам какую-то финансовую благодарность за свои труды. Байе-Латур прибыл в Японию сразу после мятежа младоофицеров 26 февраля 1936 г., когда те убили нескольких высокопоставленных деятелей. В Токио было объявлено военное положение. Тем не менее, Байе-Латур настаивал, что Япония в состоянии провести прекрасную Олимпиаду, отвечающую всем требованиям по организации и безопасности. Более того, он допустил даже возможность участия в Олимпиаде делегации Маньчжоуго, о чём мечтали оставшиеся в живых японские политики [Хасимото, 2014, с. 103].

На сессии, проведённой во время берлинской Олимпиады, выбор стоял между Токио и Хельсинки. Токио победил со счётом 36 на 27. Муниципалитет Токио роздал ликующим горожанам 10 тыс. национальных флажков, устроил салют, три самолёта разбросали 200 тыс. листовок. Пресса преподносила выбор Токио как «победу», и мало кто обращал внимание на то, что военный термин противоречит олимпийским идеалам.

На берлинской сессии МОК было также принято решение о проведении зимней Олимпиады 1940 года в Саппоро. Следует при этом иметь в виду, что зимние олимпиады в то время рассматривались лишь как дополнение к летним. Они проводились с 1924 г. (в тот же год, что и летние, обычно – в одной и той же стране). В летней берлинской олимпиаде принимали участие 3955 спортсменов из 49 стран, в зимней (Гармиш-Партенхиртен) – 646 из 28 стран. В любом случае Япония должна была принять в 1940 г. три крупнейших международных форума: всемирную выставку и обе Олимпиады.

В берлинской Олимпиаде участвовали четыре тысячи спортсменов из 49 стран. Она превратилась в грандиозное нацистское представление. Что до японской команды, то она завоевала 6 золотых медалей, то есть на одну меньше, чем в Лос-Анджелесе, несмотря на то, что численный состав команды был больше. Тем не менее газеты писали, что Япония опередила саму Великобританию! Тоталитаризм доказывал своё несомненное превосходство над демократией: Германия обошла Америку, а Италия – Францию. Пожалуй, это были первые Олимпийские игры, на которых командная победа стала цениться больше индивидуальной. Победа спортсмена представляла как триумф нации. По возвращении из Берлина японская делегация совершила паломничество в святилище Мэйдзи.

Однако успехи японских атлетов вызывали не только гордость. Двое корейских спортсменов принесли Японии две медали в марафоне – золотую и бронзовую. Но радость метрополии была омрачена: в Корее, присоединённой к Японии в 1910 г., эта победа была воспринята не столько как победа в международных Олимпийских играх, сколько как победа Кореи над Японией. Одна корейская газета опубликовала фотографию победителя с замазанным «солнечным кругом» на его майке. Выпуск газеты был приостановлен, но от олимпийской победы всё равно остался неприятный осадок.

После решения о проведении летней Олимпиады 1940 года в Токио, японский МИД поначалу взял курс на деполитизацию предстоящих Игр, определяя их цель как общение всемирной молодёжи, которое должно способствовать дружеским международным отношениям. Эта точка зрения полностью совпадала с генеральной линией МОК на

политическую нейтральность олимпийского движения. Однако уже 3 сентября 1936 г. министр просвещения Хирао Сабуро (1866–1945) выступил по радио. Он настаивал на том, что Олимпиаду следует использовать для внедрения в японский народ идей «пути самурая» (*бусидо*), объяснения западным странам того места, которое занимает Япония в мире, а именно: ей принадлежит ведущая роль, основанная на том, что все японцы до единого готовы пожертвовать собой на благо родины. И такое значимое и важное мероприятие нельзя превращать в шумный и весёлый праздник. В результате в Японии возобладал именно такой «серьёзный» курс.

Министерство просвещения обладало тогда большим аппаратным весом и выполняло приблизительно ту же роль, что и Министерство образования и пропаганды в нацистской Германии. Оргкомитет держался курса Хирао Сабуро, подчёркивая при этом, что целью Олимпиады являются не личные победы (которые так ценятся на «индивидуалистичном» Западе), а воспитание духа коллективизма, свойственного японцам [Хасимото, с. 142–143, 149–150]. Многие члены МОК роптали, что Япония отклоняется от олимпийской хартии, напоминали, что Олимпиаду получил город Токио, а не страна Япония, но в Японии думали по-другому. Всё чаще звучали голоса, что сама Олимпиада важна не сама по себе, а как возможность продемонстрировать за границей японскую культуру, под которой понимался прежде всего «японский дух», основанный на бусидо. Несмотря на требования МОК отделить Олимпиаду от государства, в оргкомитет были введены представители Министерства армии и Министерства просвещения, а председателем выбрали Токугава Иэсато (1863–1940) – бывшего главу верхней палаты японского парламента, потомка сёгунской династии.

Берлинская Олимпиада проводилась с грандиозным размахом. Хотя Япония была союзницей Германии по Антикоминтерновскому пакту, уступать было нельзя. Главный берлинский стадион вмещал 100 тыс. человек. В Токио предстояло возвести стадион вместимостью в 120 тыс. На берлинской Олимпиаде впервые велись телетрансляции в 28 общественных местах Берлина. Правда, трансляции не отличались хорошим изображением. В 1940 г. планировалось сильно улучшить качество сигнала, который должны были принимать устройства в 90 пунктах, расположенных в Токио, Осаке и Нагое.

Планы были грандиозными, но и проблем имелось немало. Предстоял огромный объём строительных работ. В Японии не культивировались многие виды спорта, которые входили в олимпийскую программу. Японские атлеты добивались хороших успехов в плавании, лёгкой атлетике и конном спорте, но развитие командных видов находилось либо на низком уровне, либо вообще «на нуле». Поэтому отсутствовала и соответствующая инфраструктура для проведения соревнований. В докладе оргкомитета указывалось, что Япония не имеет никакого опыта в проведении соревнований по стрельбе, фехтованию и современному пятиборью. Поэтому Спортивная ассоциация великой Японии высказала пожелание, чтобы эти виды спорта были исключены из программы. Утверждалось также, что если развивать западное фехтование, то это может нанести ущерб традиционному для Японии фехтованию на бамбуковых мечях (*кэндо*). Разумеется, МОК не мог пойти на такие уступки [Хасимото, 2014, с. 166–168]. Однако в программу были введены японские воинские единоборства (*будо*; непонятно, что конкретно имелось в виду) и популярный в Японии бейсбол. Фактом, однако, остаётся то, что многие японцы не хотели отдавать себе отчёта: право проводить Олимпиаду одновременно предполагает и множество не всегда приятных обязанностей.

Члены японского НОК плохо уживались и договаривались друг с другом, что вело к замедлению подготовки к Олимпиаде. Не помогло и назначение советника от МОК. Эту должность занял Вернер Клингеберг который участвовал в подготовке берлинской Олимпиады. Оргкомитет часто игнорировал его и даже не всегда приглашал на свои заседания. Однако Байе-Латур неизменно демонстрировал своё благорасположение: «Имея, как и немцы, [превосходные] способности к организации и порядку, уважая, подобно им, закон и власти, придерживающиеся принципов олимпизма, в которые верят их атлеты, японцы прекрасно выполняют стоящие перед ними задачи» [Collins, 2003, p. 153].

Несмотря на эту уверенность в Японии не могли даже решить, где строить главный стадион. Идея возвести его в парке возле святилища Мэйдзи (именно этот план встретил поддержку Байе-Латура) встретила жёсткий отпор. Несмотря на то, что там уже существовал пятидесятитысячный стадион, на котором выступало множество иностранных спортсменов, синтоистские деятели стали говорить: поскольку иностранцы не понимают святости этого места, то их присутствие «осквернит» память императора и весь правящий дом. Против выступали и архитекторы – на том основании, что размеры парка не позволяют выстроить гигантский комплекс. В конце концов, после семимесячного обсуждения НОК все-таки вынес решение построить стадион возле святилища Мэйдзи. Однако он не получил при этом поддержки Министерства внутренних дел и его отдела, занимавшегося религиозными проблемами. В связи с этим японский НОК рапортовал МОКу лишь о том, что принято «временное» решение. Таким оно и оказалось, поскольку власти решили строить стадион в районе Комадзава на юго-западе столицы.

Бурная дискуссия развернулась также по поводу эстафеты олимпийского огня. Впервые чаша с огнём, который горел всю Олимпиаду, была установлена на стадионе в Амстердаме в 1928 г. Этот огонь позиционировался как символ моральной чистоты, присущей олимпизму. Карл Дим (1882–1962), генеральный секретарь оргкомитета берлинской Олимпиады, предложил доставить огонь эстафетой из Греции, что должно было дополнительно подчеркнуть преемственность античности и Третьего рейха, который позаимствовал из античности культ обнаженного тела. Огонь зажгли в Олимпии, а затем более трёх тысяч бегунов доставили его за три тысячи километров в Берлин. Нацисты обожали факелы, и факельные шествия были непременным атрибутом их церемониальной деятельности (в Японии похожую роль играли патриотические вечерние шествия с зажжёнными бумажными фонариками).

МОК хотел устроить эстафету и в 1940 г. Карл Дим предложил доставить олимпийский огонь по такому маршруту: Афины – Истамбул – Анкара – Тегеран – Кабул – Пешевар – Дели – Калькутта – Мандалар – Ханой – Мукден – Кантон – Сеул – Пусан. По этой части пути протяжённостью в 10 тыс. км олимпийский факел должны были доставить бегуны (3 тыс. км) и конники (7 тыс. км). Далее корабль перевезёт его в Симоносэки, а оттуда бегуны понесут огонь в Токио. Дин писал, что олимпийский огонь в Токио позволит переиначеить латинское выражение *Ex Oriente Lux* («Свет исходит с Востока») на *Ex Occidente Lux* («Свет исходит с Запада») [Хасимото, 2014, с. 221].

Дин был заметным функционером Третьего рейха, с которым у императорской Японии складывались прекрасные, на первый взгляд, отношения, однако борьба амбиций всегда бросала тень на эту дружбу, ибо обе страны придерживались идеологии национальной исключительности. В Японии принялись обсуждать совсем другой маршрут, основанный на

родном синтоистском мифе, согласно которому потомок богини солнца Аматэрасу по имени Ниниги спустился на пик Такатиho (остров Кюсю). Поэтому предлагалось зажечь огонь именно там и уже оттуда доставить его в Токио. Предлагалось также зажечь огонь в святилище Исэ (где почитается Аматэрасу), и перед прибытием в Токио пронести его по всем крупнейшим синтоистским святилищам. По вопросу о том, где зажигать огонь и по каким святилищам его пронести, существовали некоторые разногласия, но маршрут из Греции популярностью не пользовался [Хасимото, 2014, с. 223–225]. В сознании большинства японцев Олимпиада должна была внести свой вклад в празднование 2600-летия основания империи. МОК не устраивал сугубо японский маршрут, и тогда ЯНОК согласился на доставку огня из Афин, но с условием, что маршрут пройдёт через Маньчжоуго – для того, чтобы легитимизировать существование этого «независимого» государства. Деньги на этот маршрут согласилось выделить армейское руководство – оно рассчитывало, что путешествие олимпийского огня можно использовать в разведывательных целях.

Олимпиада – дело мирное и дружественное, но организаторы жарко спорили между собой. Однако в Японии верх взяли люди военные, которые предпочитали не дружить, а воевать. 7 августа 1937 г. Япония начала необъявленную войну с Китаем, которая проходила на его территории. Уже 25 августа армейское командование уведомило общественность, что прекращает подготовку олимпийских конников (а это были сплошь офицеры), поскольку «в нынешней ситуации» есть дела поважнее. Это заявление подстегнуло антиолимпийские настроения: стало понятно, что этим символическим жестом армия от Олимпиады отрекается, а без поддержки армии в тогдашней Японии нельзя было решить ни одного важного вопроса.

30 августа член парламента от партии Сэйюкай по имени Коно Итиро (1898–1965) прямо заявил, что Олимпиаду следует отменить. В этом и в последующих выступлениях он приводил следующие аргументы. Страна воюет, напрягает все силы, а потому требуется оружие, а не стадионы. Не дело, когда одни парни бьются за родину, а другие прохлаждаются на спортивных площадках. Ещё один неопровержимый аргумент в пользу отмены был связан с особой императора. Правила проведения Игр предусматривали, что Олимпиаду открывает глава государства. Первую Олимпиаду в Афинах открывал король Георг I, потом открывали Олимпиаду и другие европейские монархи: Эдвард VII (Великобритания), Густав V (Швеция), Альберт I (Голландия). В немонархических странах эту церемониальную функцию исполняли президент Франции Гастон Думерг, вице-президент США Чарльз Кёртис, канцлер Адольф Гитлер. Однако Коно Итиро заявил, что особость японской ситуации не позволяет императору Сёва сделать то же самое, ибо это поставит японского императора на одну доску с лидерами других стран. Согласно традиции, голос священной особы полагалось слышать лишь особо приближенным людям. 2 декабря 1928 г. во время одной из церемоний, связанных с интронизацией Сёва, вёлся радиорепортаж. Микрофон расположили в 50 метрах от государя. Однако дуновение ветерка донесло пару его слов до микрофона, страна услышала голос своего императора – вышел ужасный скандал. С тех пор во время радиорепортажей с церемониальных событий, когда император должен был произнести несколько слов, микрофон попросту выключали, и в эфире воцарялась тишина. А теперь предполагалось, что радиоволны разнесут голос Сёва по всему миру... В отличие от Германии, Италии и СССР, а также в отличие от лидеров демократических стран, японский император присутствовал в публичном поле весьма дозированно – чтобы каждое его появление становилось

настоящим событием. Даже портреты императора, хранившиеся в школах и учреждениях, не были выставлены на постоянное обозрение и подвергались лицемерию только по особым случаям.

Словом, декларации о слиянии культур Востока и Запада, которые постоянно звучали из уст сторонников Олимпиады, наталкивались на непреодолимый культурный барьер.

Образованные люди были знакомы со знаковой «Балладой о Востоке и Западе» Киплинга, которая начиналась такими словами:

Восток есть Восток, Запад есть Запад, и им не сойтись никогда,
Покуда Земля и Небо не предстанут перед Богом на Страшном суде.
Но исчезают Восток и Запад, границы, племена и происхождение,
Когда двое сильных мужчин предстают друг перед другом.

Сторонники Олимпиады цитировали две последних строки. Так сделал член нижней палаты парламента Касаи Дзюдзи (1886–1985) в радиообращении к американцам 21 января 1938 г., уверяя их, что Япония исполнит своё обещание и проведёт Олимпиаду [Collins, 2003, p. 214–215]. Но противникам Олимпиады, которых становилось всё больше, были милее начальные строки. При этом сторонники Олимпиады несли потери. Не только политические, но и физические. 2 сентября от кровоизлияния в мозг в Женеве скончался Пьер де Кубертен, который своим огромным авторитетом поддерживал замысел по проведению Олимпиады именно в Токио. В самой же Японии обострилась дискуссия по поводу того, что значимее для страны – физкультура или спорт. «Настоящие» государственники утверждали, что важнее физкультура для миллионов, ибо только она способна дать стране миллионы крепких людей, способных умереть, защищая Родину. Напомним, что Япония воевала на континенте, никто на неё не нападал.

На западный спорт обрушилась волна критики. Его обвиняли в либерализме, индивидуализме, состязательности и развлекательности. Западному спорту противопоставляли японские военные искусства, которые закаляют не только тело, но и дух, воспитывают патриотизм, что обеспечивает успешное функционирование фронта и тыла. Олимпиада предполагала приезд в Японию многих иностранцев, но в стране царствовали шпиономания и ксенофобия. Политики вели курс не на развитие международных связей, а на их свёртывание.

В этих условиях за границей крепили голоса за бойкот Токио и перенесение игр куда-нибудь ещё. Но сделать это было весьма непросто не только из-за финансовых и организационных соображений. Главный аргумент, что негоже проводить Олимпиаду в воюющей стране, становился всё менее убедительным: «цивилизованный» мир стремительно втягивался в мировую бойню. Захват Италией Эфиопии, гражданско-международная война в Испании, аншлюс Австрии... Ну, и так далее. Словом, грозная обстановка в Европе и упорство японского олимпийского комитета решили исход: сессия МОК, состоявшаяся в марте 1938 г. в Каире, со скрипом, но всё-таки подтвердила: очередные Игры состоятся в Токио и Саппоро. МОК, который ставил олимпийское движение «выше политики», благополучно проигнорировал агрессию Японии в Китае – точно так же, как он проигнорировал государственный антисемитизм в нацистской Германии в преддверии Игр 1936 года. Но в Германии хотя бы реально велась подготовка к Олимпиаде, в Японии же никак не могли окончательно определиться ни с местоположением главного стадиона, ни

с эстафетой олимпийского огня. МОК вёл переговоры не с японским правительством, а с японским олимпийским комитетом, а тот клятвенно обещал, что Олимпиада будет обязательно проведена.

Во время каирской сессии на заседании японского парламента неутомимый Коно Итиро в очередной раз доказывал, что с Олимпиадой нужно поскорее заканчивать. Ему вторили и армейские чины. Олимпиаду удалось отстоять в Каире, но одновременно японское олимпийское движение понесло тяжёлую утрату: на обратном пути в Японию на борту корабля скончался от воспаления легких Кано Дзигоро, во многом благодаря дипломатическим усилиям которого удалось притушить недовольные голоса, ратовавшие за бойкот японских олимпиад. Его коллегам по возвращению в Японию удалось договориться с властями Токио, что Всемирная выставка и Олимпиада будут разведены во времени – как это и требовал МОК. Однако дальше началось самое худшее.

Японская армия проявила некоторый интерес к эстафете олимпийского огня в качестве прикрытия разведывательной работы, но сама Олимпиада (точно так же, как и Всемирная выставка) не вызывали у неё энтузиазма. В армейском арсенале не было такого средства, как «мягкая сила», которая могла быть употреблена на пропаганду японской культуры. Для военных существовала только «сила грубая». Горячие головы рассчитывали на быструю победу в Китае, но доблестная японская армия, несмотря на локальные успехи, увязла на китайских просторах. В этих условиях все мирные мероприятия подлежали упразднению, а все ресурсы – распределению. Квотированию подверглись даже ткани и кожа, не говоря уже о топливе и металле. Распоряжение об этом вышло 23 июня 1938 г. Перестали строиться здания школ и государственных учреждений. Население распрощалось с шёлковыми и шерстяными тканями, автомобилисты – с бензином, курильщики – с зажигалками и портсигарами, школьники – с точилками для карандашей, рестораны западной кухни лишились вилок и ножей, спортсмены – метательных дисков, ядер, копий, шиповок, коньков... Всё это подлежало переплавке во что-нибудь более убийственное. Организаторы же Олимпиады распрощались со своими мечтами. На строительство главного стадиона они сначала просили тысячу тонн металла, потом шестьсот, но им было отказано. Стало окончательно понятно, что Олимпиаде не выжить. Почти все министры из кабинета, возглавляемого Коноэ Фумимаро (1891–1945), высказались против Олимпиады. И только министр культуры, генерал Араки Садао (1877–1966), блюдя самурайскую честь, высказался в том духе, что раз Япония обещала принять Олимпиаду, то невзирая на трудности, должна во что бы то ни стало провести её – хотя бы и не с тем размахом, который планировался [Хасимото, 2014, с. 250].

Тем не менее, вопрос был решён вкуче с вопросом о Всемирной выставке. 14 июля 1938 г. правительство, ссылаясь на «международную обстановку», объявило, что «откладывает» проведение Всемирной выставки до окончания войны и «отказывается от поддержки» Олимпиады. А уж оргкомитет Олимпиады пусть сам решает, что ему делать. Члены оргкомитета узнали об этом решении из газет. Лишённые государственных ресурсов, они сообщили МОК, что Олимпиада отменяется. В МОК отнеслись к этому решению с пониманием и даже поблагодарили ЯНОК за взвешенное и благородное решение, которое даёт время для подготовки следующего кандидата – Хельсинки. Однако в ноябре 1939 г. СССР напал на Финляндию, что сделало невозможным проведение XII летних Олимпийских игр. Они остались в истории олимпийского движения со своим номером, но в графе «место

проведения» стоит прочерк. В самой же Японии несостоявшиеся Игры в Токио принято именовать «олимпиадой-призраком». Вместо неё в 1940 г. состоялись Дальневосточные игры или, как их неофициально называли, «Азиатская Олимпиада». В Токио в течение четырёх дней (6–9 июня) выступили около 700 спортсменов из Японии (326), Маньчжоуго (299), Филиппин (71), Гавайев (17), оккупированных японской армией регионов Китая. На сей раз никто не возражал против участия Маньчжоуго, соревновались на старых стадионах, в программу не входили ни фехтование, ни пятиборье, ни стрельба. В день открытия и закрытия выпускали голубей, как то и положено на «настоящей» Олимпиаде. Но олимпийский флаг не развевался, иностранных туристов не было. Подобие олимпийского огня доставили в Токио 11 ноября – в день, когда состоялись наиболее пышные торжества, посвящённые юбилею империи. Синтоистские жрецы зажгли его в святилище Касихара, где почитался Дзимму.

Токийская Олимпиада 1964 года: мир и дружба

В результате жестокого поражения во Второй мировой войне Япония была оккупирована американскими войсками. Наряду с Германией её не принимали в международные организации (включая ООН), в участии в лондонских Олимпийских играх 1948 года Японии было также отказано. Япония на какое-то время превратилась в изгоя. Перед страной стояла масштабная задача – избавиться от клейма агрессора и возвратиться в международное сообщество. Одним из инструментов для достижения этих целей стал олимпийский спорт.

На летнюю Олимпиаду в Хельсинки (1952 г.) японскую команду уже допустили. Правда, в неофициальном медальном зачёте она не попала даже в первую десятку. Команда СССР участвовала в Олимпийских играх в первый раз и оказалась второй вслед за США. Победившие в войне побеждали и в спорте.

В то же самое время желание реабилитировать себя за отмену Игр 1940 года не оставляло японцев. Мэр Токио Ясуи Сэйитиро (1891–1962) начал компанию по проведению XVII Олимпиады 1960 г. в Токио уже через месяц после того, как в апреле 1952 г. была закончилась оккупация Японии американскими войсками, то есть Япония стала независимой страной (при этом американские военные базы на территории Японии всё равно остались). В постановлении токийского муниципального собрания говорилось, что 7 млн обитателей столицы жаждут принять Олимпиаду, поскольку «независимая Япония в качестве члена международного сообщества» желает внести свой вклад в укрепление доверия между народами, стремящимися к миру [Хатано, 2004, с. 100–101]. Если при подготовке несостоявшихся токийских Игр 1940 года упор делался на том, что Япония желает продемонстрировать миру свою культуру и традиции, то сейчас подчёркивалось: именно олимпийское движение обладает «славной историей и традициями», которым желает следовать и Япония.

Для того, чтобы МОК согласился провести Олимпиаду в Токио, требовалась изрядная подготовка. В её рамках пригласили благожелательно настроенного по отношению к Японии президента МОК американца Эйвери Брендеджа (1887–1975). Он участвовал в качестве пятиборца ещё в Играх 1912 года в Стокгольме, был известен как коллекционер восточного искусства и большой любитель японской кухни (в то время ею мало кто увлекался). Очарованный приёмом и полученными подарками Брендедж, тем не менее, прямо сказал, что

с первого раза Токио Олимпиаду получить не удастся. Олимпиада 1956 года была запланирована в Мельбурне, то есть далеко от Европы – центра олимпийского движения (штаб-квартира МОК размещалась в Лозанне). Так что члены МОК опасались, что два раза подряд европейцам будет трудно отправить свои команды в такую даль [Хатано, 2004, с. 108]. Авиасообщение в то время было дорогое, а Европа ещё окончательно не восстановилась после ужасных последствий Второй мировой войны. Действительно, развивавшееся по нарастающей олимпийское движение явно «забуксовало» в Австралии: в Олимпиаде 1948 года (Лондон) приняло участие 4104 спортсменов, в 1952 году (Хельсинки) – 4925, а до Мельбурна добралось всего 3184 атлета [Суник, 2013, с. 218].

Брендедж советовал японцам уповать на будущее, не терять надежд и проявлять максимальную пропагандистскую активность. Заранее смирившись с тем, что в 1960 г. Олимпиаду получить не удастся, в качестве подготовительной меры к следующей Олимпиаде японский НОК принял решение о проведении Третьих Азиатских Игр 1958 года в Токио. Успешное проведение этих Игр могло послужить залогом положительного решения о проведении Олимпиады–1964 в Токио. ЯНОК также принял решение организовать запланированную на 1958 г. 53 сессию МОК в Токио. В отличие от подготовки к Олимпиаде 1940 года, на сей раз ЯНОК полностью координировал свои действия не только с мэрией Токио, но и с правительством. Без масштабной правительственной финансовой поддержки ни Олимпиада, ни Азиатские Игры, ни сессия МОК состояться не могли. Это были полностью убыточные проекты, которые, однако, имели огромную идеологическую нагрузку. Азиатские Игры должны были показать Азии (и всему остальному миру) гостеприимство и миролюбие Японии, избавившейся от тоталитарного милитаристского прошлого, той агрессивной политики, которая принесла столько страданий множеству азиатских народов. В этом смысле в проведении Олимпиады гораздо больше было заинтересовано правительство, чем ЯНОК, который выполнял, прежде всего, техническую роль и решал задачи, поставленные перед ним правительством. Будущий премьер-министр (1957–1960) Киси Нобусукэ (1896–1987) возглавил координационный комитет по подготовке Олимпиады. Одним из горячих сторонников Олимпиады выступил и Коно Итиро, который с таким же жаром выступал против Олимпиады в довоенное время. Теперь он забыл про свои изоляционистские взгляды и стал горячим сторонником международного сотрудничества.

На сессии МОК в Париже (1955 г.) было решено проводить следующую Олимпиаду в Риме (Токио получил всего четыре голоса). Следуя совету Брендеджа, Токийский муниципалитет немедленно подал заявку на проведение XVIII летней Олимпиады в 1964 г.

В 1958 г. состоялись прекрасно организованные Третьи азиатские игры, в которых участвовали 1800 спортсменов из 20 стран. Девизом Игр стал милый европейцам лозунг «Прогресс без границ». Это было первое крупное международное мероприятие, которое Япония провела после войны. Правительство призывало японцев проявлять по отношению к иностранным гостям максимальную вежливость и предупредительность. Японцы послушались, что резко контрастировало с довоенными временами, когда в стране царила неприкрытая ксенофобия и каждый иностранец считался потенциальным шпионом. На сессии МОК, которая проходила в Токио в одно время с Азиатскими играми, Эйвери Брендедж решительно поддержал кандидатуру Токио. Открывал сессию сам император Сёва. Это была первая сессия МОК, проведённая в Азии. Брендедж был решительным сторонником любительского спорта и противником коммерциализации как олимпиад, так и спорта вообще.

Являясь президентом американского НОК, он в своё время лишил триумфатора берлинской Олимпиады Джесси Оуэнса (1913–1980), выигравшего там четыре золотых медали, статуса спортсмена-любителя за то, что он, будучи выходцем из бедной негритянской семьи и желая подзаработать, посмел соревноваться в беге с лошадьми и собаками. При каждом удобном случае Брендедж напоминал японцам, чтобы те не превращали Олимпиаду в «карнавал» и «цирк», чтобы они не смели использовать олимпийскую символику и фотографии выдающихся спортсменов в рекламных целях. Японцы внимали. Указывал Брендедж и на плохое состояние токийских дорог [Хатано, 2004, с. 128–129]. Во время войны Токио подвергся ужасным бомбардировкам американской авиации, восстановление столицы проходило во многом стихийно.

Брендедж поддержал кандидатуру Токио, но окончательное решение принималось на сессии МОК в Мюнхене в июне 1959 г. За оставшееся до этого время японцы развили огромную активность не только по строительству дорог, но и по привлечению на свою сторону членов МОК. В особенности это касалось членов МОК из слаборазвитых стран с высоким уровнем коррупции. Им делали щедрые подарки, кормили в шикарных ресторанах, обещали оплатить дорогу до Мюнхена и обратно, приглашали посетить Японию. Помог Токио и социалистический лагерь во главе с СССР. Основным конкурентом Токио считался Детройт, но советское Политбюро приняло мудрое решение поддержать Японию. В то время советское руководство надеялось, что Япония сможет стать оплотом антиамериканизма в Азии, и потому советская печать хвалила самобытность японской культуры, которая вроде бы способна противостоять натиску космополитизма (под которым понималась прежде всего американская культура) [Мещеряков, 2014].

Презентацию предполагаемой токийской Олимпиады в Мюнхене поручили известному тележурналисту Хирасава Кадзусигэ (1909–1977). На презентацию отводилось 45 минут, Хирасава же потребовалось всего пятнадцать. Он не стал утомлять присутствующих нудными цифрами, но выступил очень художественно: цветок западной культуры, а именно Олимпиада, пусть теперь расцветёт и на Востоке; Дальний Восток в нынешнюю эпоху прогресса перестаёт быть дальним благодаря реактивным самолетам и международному общению, а оно и является основой мира во всём мире. Очень к месту Хирасава продемонстрировал также японский учебник для младших классов, в котором было предусмотрительно написано про «дух олимпизма». Выступление Хирасава произвело весьма благоприятное впечатление на искушённых членов МОК. Следует отметить профессионализм Хирасава, который вообще-то был противником проведения токийской Олимпиады ввиду её затратности [Хатано, 2004, с. 164–166].

Вкупе с привлекательной для очень многих членов МОК идеей о целесообразности проведения первой Олимпиады в Азии, и вместе с реальной готовностью Токио к организации крупного международного форума, всё это привело в Мюнхене к безоговорочной победе японской столицы: Токио получил 34 голоса из 55 (за Детройт было подано 10 бюллетеней, за Вену – 9, за Брюссель – 5). Японские газеты ликовали, поскольку решение МОК свидетельствовало о повышении международного престижа Японии, но в то же самое время они говорили о необходимости самой серьёзной подготовки.

Послевоенный комплекс неполноценности ещё не был преодолён, и очень многие японцы не были уверены, что страна сумеет достойно провести Олимпиаду. В 1962 г. таких «маловеров» насчитывалось 73 % [Сэкигути, 2009, с. 8]. Однако экономические успехи

страны не вызывали сомнений. «Белая книга по экономике» 1956 г. содержала ключевую фразу, которая запомнилась всем японцам и отражала удовлетворение тем, как идут дела: «Послевоенность закончилась». Имелось в виду, что страна преодолела разруху, динамика роста уровня жизни была исключительно положительной. Однако при всех достижениях не стоит забывать и о том, что в этом году доход японца составлял 7,7 % дохода американца, половину – англичанина и западного немца. Тем не менее, японец потреблял всё больше электричества, вещей, еды и лекарств. Мечты об имперском величии преобразовывались в потребительские надежды на «три сокровища»: телевизор (пока что чёрно-белый), холодильник и стиральная машина. Телевизор был самым дорогим из чаемых сокровищ, он стоил десять месячных зарплат служащего с высшим образованием. Телевизор был самым бесполезным из сокровищ с точки зрения «рационализма», которого теперь якобы придерживались японцы, но всё равно быстро получил широкое распространение. Улучшение качества жизни привело к резкому сокращению детской смертности, росту продолжительности жизни. Если в 1947 г. она составляла 50 лет для мужчин и 54 года для женщин, то всего через 10 лет увеличилась до 64 и 68 лет. В то время Япония была единственной страной в Азии, которая сумела приблизиться к западному уровню жизни. В 1960 г. правительство опубликовало план по двукратному увеличению доходов населения, который был выполнен очень быстро.

Успешное проведение Олимпиады являлось задачей государственной важности. В правительстве был введён пост министра, ответственного за проведение Олимпиады. Его занял Коно Итиро. В оргкомитет Олимпиады были введены высокоранговые чиновники, бизнесмены, члены парламента. Из 22 членов оргкомитета деятелям спортивного движения досталось всего пять мест. В таком подходе сказалась многовековая местная политическая традиция, которая, несмотря на прогресс, предпочитает государство обществу. Кроме того (а, может быть, и благодаря тому) ЯНОК не располагал средствами для проведения крупнейшего спортивного форума. В этом состояло большое отличие от прошлой Олимпиады в Риме. Итальянскому НОК правительство предоставило лицензию на организацию тотализатора, так что он получал за счёт этого солидные доходы и обладал значительной финансовой независимостью, в состав оргкомитета входили только спортивные функционеры.

ЯНОК предложил было позаимствовать итальянский опыт, но встретил решительный отпор со стороны властных структур. Министр просвещения Араки Масуо (1901–1973) заявил, что нельзя превращать «священные Игры» в «азартную игру». После встречи с премьером Икэда Хаято (1899–1965) начальник канцелярии кабинета министров Охира Масаёси (1910–1980) донёс до общества официальную точку зрения: «Организация нового вида азартной игры – тотализатора – встречает противодействие со стороны чувств народа, и правительство серьёзно относится к этой проблеме. Что до средств, необходимых для подготовки Олимпиады, то она, разумеется, в основном должна осуществляться через помощь, которую оказывает правительство столичному городу Токио...» [Хатано, 2004, с. 199–200]. Иными словами, правительство хотело, чтобы Олимпиада находилась под его полным контролем, несмотря на то, что финансовые вливания «со стороны» могли бы уменьшить нагрузку на бюджет.

Это обстоятельство не отменяет факта, что японские функционеры действовали эффективно и решительно. Любимый токийцами трамвай был ликвидирован, многие речки

и каналы засыпали, ибо они мешали совершенствованию транспортной системы. В столице стали лучше убирать мусор, раздавались десятки тысяч листовок, которые призывали японцев не ударить лицом в грязь перед иностранцами: не сорить, не выпивать и не мочиться на улицах, не драться, не хамить и не появляться полураздетыми. Ударными темпами строились стадионы, гостиницы, скоростные трассы, монорельсовая дорога, соединившая город с аэропортом Ханэда, прокладывались новые линии метро, расширялись улицы. Это приводило к утрате столицей прежнего облика и духа, что воспринималось в целом положительно – как торжество «прогресса». В помощь прогрессу отрядили лучших архитекторов. В частности, Тангэ Кэндзо (1913–2005), который спроектировал суперсовременный спортивный комплекс в Йойоги (*Ёёги*). Непосредственно перед Олимпиадой была запущена первая в мире скоростная железная дорога (*Синкансэн*), соединявшая Токио и Осаку. Олимпийский стадион возле святилища Мэйдзи вмещал 75 тыс. зрителей (в планах устроителей Игр 1940 года было строительство стадиона на 120 тыс.). Организаторы Олимпиады 1964 года рассчитывали на приезд 30 тыс. иностранных туристов. Эти прогнозы были более реалистичными, чем планы устроителей несостоявшейся Олимпиады 1940 года: те предвкушали 100 тысяч иноземцев. Довоенные утопические ожидания и проекты относительно Олимпиады полностью вписывались в стиль мышления того времени, когда правительство ставило перед страной невыполнимые задачи. Развязав войну против Китая, Япония напала на США и Великобританию, надеясь выйти победителем в заведомо проигрышном деле.

Хотя олимпиады 1940 и 1964 годов готовились в совершенно разных условиях и имели разные цели, в действиях организаторов видна и преемственность. В 1940 г. одной из олимпийских дисциплин предполагалось сделать «воинские единоборства» (*будо*), в программу 1964 г. ввели *дзюдо* – детище Кано Дзигоро, который еще при жизни пытался сделать дзюдо олимпийским видом спорта. Это стало большой радостью для его сына по имени Рисэй (1900–1986), возглавлявшего федерацию дзюдо. Организаторам Олимпиады–1964 удалось добиться включения в программу и волейбола, где шансы японских волейболисток, прозванных «восточными дьяволицами», расценивались исключительно высоко.

От японских спортсменов, безусловно, ждали успехов. В Мельбурне они завоевали 19 медалей (4 золотых), заняв девятое место. В Риме они не продвинулись ни на шаг вперед – та же самая девятая позиция при 18 медалях (4 золотых). И это при том, что экономический престиж страны возрастал с каждым днём: рост экономики составлял около 10 % в год – выше всех в мире. В то же самое время следует помнить, что позиции японских спортсменов в Азии были непререкаемыми. На IV Азиатских играх в Джакарте (1962 г.) они завоевали 155 медалей, а занявшая второе место Индонезия – всего 50. Для подготовки японских спортсменов к Олимпиаде были выделены значительные средства, многие «любители» по существу превратились в профессиональных спортсменов. Так, члены женской волейбольной команды «трудилась» на ткацком заводе, где они и получали «зарплату». Точно такая же практика существовала в СССР и других социалистических странах.

Властям были нужны успехи, которые могли бы консолидировать всех японцев и доказать правильность проводимого курса. Бурное развитие экономики несло не только повышение уровня жизни, но и многочисленные проблемы (загрязнение, теснота городов, психологический дискомфорт, связанный с утерей прежней среды природного и социального обитания). Позиции «левых» в политике были достаточно сильны, а они боролись изо всех

сил против японско-американского договора безопасности. В результате многотысячной демонстрации (организаторы оценивали её численность в 330 тыс. человек, полиция говорила о 130 тыс.), сопровождавшейся столкновениями с полицией, кабинет Киси Нобусукэ был вынужден уйти в отставку 16 июня 1960 г. Олимпиада же предоставляла хорошие возможности, чтобы отвлечь японцев, объединить их, притушить накал отрицательных эмоций.

Олимпийский огонь зажгли в Афинах и погрузили на самолёт ДЖАЛа под названием «Священный огонь», который по пути в Японию сделал остановки в Истамбуле, Бейруте, Тегеране, Лахоре, Нью-Дели, Рангуне, Бангкоке, Куала-Лампуре, Маниле, Гонконге, Тайпее. После этого самолёт приземлился в Нахе, главном городе Окинавы. В то время Окинава находилась под американским административным управлением, в стране ширилось движение за возвращение Окинавы под японскую юрисдикцию. Таким образом, доставка олимпийского огня на Окинаву имела большой символический смысл: ещё раз показать, что Окинава принадлежит Японии. На местном стадионе олимпийский огонь увидело 75 тыс. зрителей, зазвучал гимн Японии, подняли государственный флаг. В тогдашнем обществе существовали самые разные мнения относительно будущего страны, но все сходились на том, что Окинава должна быть японской. Окинава не считалась американской колонией, но требование вернуть Окинаву находилось в русле антиколониального движения во всём мире.

После Окинавы олимпийский огонь доставили самолётом в Кагосиму на Кюсю, где он был разделён на несколько частей. 100 713 бегунов с факелами пронесли огонь по всем префектурам страны. На главном олимпийском стадионе его зажёл в субботу, 10 октября 1964 г., Сакаи Ёсинори. Он был выбран не столько за свои выдающиеся спортивные достижения (его специализацией был гладкий бег на 400 м), сколько за то, что он родился 6 августа 1945 г. неподалеку от Хиросимы – в день её атомной бомбардировки. Ту бомбу американцы ласково называли Малыш (Little Boy). Она унесла жизни 140 тыс. японцев, но «малыш» Ёсинори выжил. Его позиционировали как символ примирения и мира, что, если вдуматься, выглядело довольно двусмысленно.

Знаменитый писатель Мисима Юкио (1925–1970) в газете «Майнити» в эссе под названием «Огонь, соединяющий Восток и Запад» от души радовался Олимпиаде. Он вспомнил, что Лафкадио Хёрн (Коидзуми Якумо, 1850–1904), один из первых иностранцев, натурализовавшихся в Японии, называл японцев «греками Востока», и потому японцы были «обречены» на то, чтобы когда-нибудь провести Олимпиаду. Свои впечатления от церемонии открытия Мисима описывал так: «Когда Сакаи поднялся на самый верх лестницы и встал рядом с чашей священного огня, он поднял высоко вверх правую руку с факелом. В этот момент, когда этот человек поднялся над всеми людьми, на его лице как бы заиграла слабая улыбка. Он находился выше всех в этом человеческом мире, он поднялся выше Гималаев... Когда он поднял правую руку со священным огнём, красное солнце на его майке проглянуло из-за белого факельного дыма так ярко, что у каждого стало больно в глазах... В этот небывалый миг красное солнце как бы зазвучало призывно в наших сердцах, возопило, так что любые речи сделались не нужны» [1964 нэн..., 2014, с. 14].

Накануне открытия Олимпиады шёл дождь, но в субботу распогодилось. Открыл Олимпиаду император Сёва. Слово ему предоставил на чистом японском языке Эйвери Брендедж. Перед войной Коно Итиро выступал против Олимпиады, в частности, потому, что голос императора не должен быть слышен миллионам «простых» людей. Коно тоже присутствовал на открытии и на сей раз не выдвигал никаких возражений против того, чтобы

император сказал несколько слов в микрофон. Перед трибунами прошествовал 5541 спортсмен из 94 стран. Американские самолеты японских ВВС посредством дыма вычертили над стадионом пять разноцветных колец. Перед входом на стадион зрителям раздавали мешки для мусора, что было в диковинку.

Устроители Олимпиады всячески демонстрировали её мирный характер. После окончания Второй мировой войны Япония стала мирной страной, японцы ценили мирное время и хвалили его – приблизительно так же, как делали это при сёгунате Токугава, покончившем с долгими годами междоусобиц. Официальным лозунгом Олимпиады были слова «Земля – одна». Но остальной мир жил по другим правилам, которые далеко не всегда предполагали единство.

До войны во время подготовки к Олимпиаде главные проблемы создавала себе сама Япония. Теперь она стала мирной страной и вела себя в полном соответствии с олимпийскими правилами. Теперь проблемы ей и олимпийскому движению создавали другие страны. Немцы из Западной и Восточной Германии сумели договориться и прислали в Токио объединенную команду. Между Северной и Южной Кореей вначале тоже было достигнуто соглашение о формировании единой команды, но в результате корейцы приехали в Токио по отдельности. Однако перед церемонией открытия Игр команда Северной Кореи возвратилась домой. Во Вьетнаме бушевала гражданская война с прямым участием США. Северовьетнамцы не захотели выступать на одних аренах вместе со своими врагами. МОК исключил из числа участников Индонезию, поскольку на Азиатских Играх 1962 года друживший с коммунистическим Китаем президент Сукарно в нарушение олимпийской хартии отказался выдать визы спортсменам Тайваня и Израиля. Из-за политики апартеида МОК не допустил к участию в Играх также Южную Африку и сумел избежать бойкота Олимпиады со стороны африканских стран. Китайская народная Республика не участвовала в Олимпиаде, поскольку там присутствовал Тайвань. КНР поучаствовала в Олимпиаде другим образом: 16 октября 1964 г., прямо во время Олимпиады, она произвела своё первое испытание ядерной бомбы, став первой ядерной страной в Азии. Воинственные заявления Мао Дзэдуна, помноженные на свежие воспоминания о Карибском кризисе 1962 г., нагнетали атмосферу страха. За два дня до ядерной демонстрации Китая, был смещён со своих должностей Н.С. Хрущёв, и мир стал гадать, в какую сторону повернётся политика СССР...

Однако несмотря на разъединяющие политические обстоятельства токийская Олимпиада побила рекорды как по количеству спортсменов, так и по количеству стран-участниц. Правда, некоторые из них были представлены всего одним спортсменом (Алжир, Гвинея, Монако, Камерун, Ливия, Либерия), главной функцией которого стало улучшение статистики.

Тема войны и мира, Олимпиады 1940 года и нынешней, Японии прошлой и настоящей всё время возникала в головах японцев. Особенно это касалось, естественно, людей постарше. Родившаяся в 1925 г. писательница Сугимото Соноко вспоминала, что на том самом реконструированном стадионе, где проходило открытие Игр, ровно 20 лет назад, в октябре 1944 г., она участвовала в проводах юношей, отправлявшихся на фронт. На месте ложи, где сейчас восседала императорская чета, расположился премьер Годзио, который призывал разгромить Америку и Британию. И сейчас, и тогда над стадионом развевался государственный флаг, звучал гимн, но в эти государственные символы вкладывался совершенно разный смысл [1964 нэн..., 2014, с. 18].

Олимпиаду увидело огромное количество людей. Это были не только зрители на стадионах. Впервые в истории телевидение показывало Олимпиаду столь широко. Некоторые репортажи велись в цветном формате (правда, цветных телевизоров тогда в стране насчитывалось всего 67 тыс.). Впервые в истории олимпиад велась прямая трансляция на весь мир. Она осуществлялась через американский спутник японской государственной компанией NHK. Чтобы увидеть Олимпиаду, японцы стали покупать больше телевизоров. В 1964 г. в 91,2 % японских семей имелись телевизоры (в 1959 г. – 23,6 %). Во время трансляции волейбольного матча Япония–СССР было включено 95,4 % аппаратов [Гэндай, 2009, с. 120]. В истории манипулирования сознанием и мобилизацией масс наступил новый период. Тенденция заключалась в том, что число зрителей увеличивалось, а число читателей сокращалось. Увеличивалось и количество слушателей. К Олимпиаде было сочинено множество песен, их постоянно передавали по радио и телевидению. Пластинок с самой популярной из песен было продано три миллиона [1964 нэн..., 2014, с. 14].

Освоение космоса принесло и первый в истории олимпиад космический привет. В дни проведения токийских Игр состоялся первый в истории полёт сразу трёх советских космонавтов, которые, пролетая на Японию, послали горячий привет «молодёжи всего мира».

На токийскую Олимпиаду была потрачена сумма, составлявшая около трети годового бюджета страны или 3,7 % валового национального продукта (правда, следует учитывать, что определённая часть средств была получена от благотворителей). Олимпиаду называли праздником, а праздничные расходы всегда больше повседневных. Не только для «хозяев», но и для «гостей» – зрителей. Почти все из 2 млн 600 тыс. билетов были распроданы. Даже на такие малопопулярные в Японии и не самые зрелищные виды, как стрельба по летающим тарелочкам, гребля на каноэ и фехтование были проданы почти все билеты. Минимальная цена билета составляла 300 иен (средняя начальная зарплата выпускника университета равнялась тогда 21 200 иен). Подавляющее число зрителей было японцами. Они вообще любили праздники, зрелища, выставки. Состоявшуюся в том году выставку одной скульптуры – Венеры Милосской – посетили за два месяца 1 млн 720 тыс. человек.

Что до иностранцев, то их посмотреть Олимпиаду приехала 41 тысяча. Если приплюсовать к ним спортсменов и функционеров, то получится 50 тысяч. Всего же в 1964 г. Японию посетило 353 тыс. иностранцев, что было существенно больше, чем в прошлом году, когда в страну въехали 300 тыс. иностранцев (более половины – американцы). Как писали журналисты, эти люди убедились, что Япония является высокоразвитой промышленной страной, а не страной гейш, самураев и харакири [1964 нэн..., 2014, с. 176].

Олимпиада оставила японцам автомобильные дороги и железнодорожные пути, спортивные сооружения, гостиницы, воспоминания. В том числе и воспоминания о победах. Японский спорт сделал большой шаг вперёд и в неофициальном зачёте (который на самом деле был основным) японская команда заняла четвёртое место (29 медалей) после СССР (96 медалей), США (90) и Объединенной германской команды (50).

Особенно запомнилась победа женской волейбольной команды. Описав драматические перипетии финального поединка, в котором японки победили команду СССР, писательница Ариёси Савако так заключала своё эссе: «Девушки! Больше не произносите печальных слов, что вам некогда любить и выходить замуж. Летите по жизни с такой же великолепной легкостью, как летел посланный вами мяч. Возвращайтесь к работе, выходите замуж – вы всё

теперь можете! Потому что вы уже продемонстрировали японцам своё блестящее спортивное мастерство и свой ум, который повелевает этим мастерством. Вы соединили в себе ум, красоту и силу, и я желаю вам от всей души человеческого счастья» [1964 нэн..., 2014, с. 89]. Вряд ли капитан той волейбольной команды Касаи Масаэ прочла этот текст, но после великолепного финала она вскоре действительно бросила спорт и вышла замуж. Причём с будущим мужем, офицером, ее познакомил не кто-нибудь, а премьер Сато Эйсаку [Хитобито, 2015, с. 93].

В то время визуальное ещё не оттеснило слово на периферию сознания. Самые известные японские писатели освещали Олимпиаду на страницах газет и журналов. Это придавало ей не только спортивное, но и человеческое измерение. Писательница Соно Аяко с негодованием протестовала против отвратительного обыкновения современного спорта, в котором чем дальше, тем больше торжествовал античеловечный принцип – победитель получает всё. Танака Сатоко, страшно разочарованной своим четвёртым местом в плавании на сто метров на спине, она адресовала такие слова: «Очень хорошо, что ты проиграла! Проиграв, ты перестала быть обезьянкой на поводке! Ты вновь стала женщиной, обычной женщиной с красивым телом». Писательница гневно обрушилась на спортивных функционеров «в синих блейзерах», которые после токийской Олимпиады стали немедленно подыскивать новых «обезьянок» для следующей Олимпиады в Мехико, поскольку прежние обезьянки сделаются к тому времени стары [1964 нэн..., 2014, с. 177–178].

Однако скептики оказались в абсолютном меньшинстве. Средства массовой информации сделали своё дело. Согласно социологическим опросам, радость от Олимпиады ощущали более 90 % японцев [Сэкигути, 2009, с. 8–9].

Человеческое измерение постарался привнести в свой документальный фильм «Токийская Олимпиада» и режиссер Итикава Кон (1915–2008). В его трактовке соревнования являлись проявлением не столько мастерства, сколько эмоций. Для него были значимы не столько победители, сколько участники – спортсмены, зрители, функционеры, технический персонал. При этом популярность того или иного вида спорта не имела для режиссёра значения. Само состязание тоже находилось для него на втором месте. «Для меня самыми важными были моменты до старта и после финиша» [1964 нэн..., 2014, с. 146]. Фильм делался по правительственному заказу и во время предварительного просмотра подвергся чиновниками ожесточённой критике. Коно Итиро заявил, что фильм не имеет никакого отношения к документалистике и нужно сделать другой. В личной встрече с режиссёром он, в частности, признался: «Когда я смотрю кино, всегда засыпаю. А тут не заснул до самого конца – настолько разозлился» [1964 нэн..., 2014, с. 148]. Министр просвещения отказался рекомендовать фильм к просмотру в школах. Тогда режиссёр добавил кадры с японскими победителями Олимпиады и съёмки спортивных сооружений, которыми так гордились устроители. В результате фильм всё-таки появился на экранах и получил множество международных наград.

Внимание, которое было привлечено к Японии в дни Олимпиады, непосредственные контакты с иностранцами, их мнения о принимавшей их стране предоставляли японцам повод взглянуть на себя со стороны. Писатель Ямагути Хитоми (1926–1995) отмечал, что Олимпиада «дала возможность поразмышлять, что же представляет собой страна под названием Япония и народ, который называют японцами» [1964 нэн..., 2014, с. 46]. В шестидесятые годы Япония привлекла внимание всего мира своими экономическими

успехами. После прекрасно организованной Олимпиады в самой Японии заговорили, что она вернулась в клуб мировых держав. Успех вселял гордость в сердца японцев. Лейтмотивом послеолимпиадных публикаций было восклицание: мы сумели сделать это! Журналист Ооя Соити (1900–1970) находил, что деньги, вложенные в Олимпиаду, были потрачены на «битву», имевшую целью возрождение Японии после поражения в войне. Во время Олимпиады часто звучал японский гимн, всюду были видны национальные флаги. Присутствовали они и на всех плакатах, выпущенных к Олимпиаде. Мисима Юкио полагал, что в результате Олимпиады были реабилитированы государственный флаг и гимн, которые многие считали символами тоталитаризма [1964 нэн..., 2014, с. 122]. В отличие от Германии, Япония после окончания войны не отказалась ни от своего флага, ни от гимна, представляющего собой здравицу императору. Все очевидцы Олимпиады отмечали также помощь армии, которая тогда носила стыдливое название «сил самообороны» (иметь армию Японии запрещала конституция 1947 г., написанная под диктовку американцев). До этого времени встретить на токийских улицах военного человека было чрезвычайно затруднительно, теперь же многие японцы впервые увидели, как выглядит военная форма.

Именно после токийской Олимпиады случился настоящий бум научных (а чаще околонучных или совсем ненаучных) «рассуждений о японцах» (*нихондзинрон*). Главной задачей этого дискурса было позитивное самописание японцев, которые, с одной стороны, стремились избавиться от послевоенного комплекса неполноценности, с другой – боялись потерять свою идентичность под напором урбанизации, в условиях изменения среды природного и социального обитания, наплыва западных ценностей и представлений. Эта идеология утверждала отличность японцев от всех других народов, их особость, которая трактовалась как предмет гордости. Разумеется, не одна Олимпиада запустила этот мощный дискурс, но и она внесла важный вклад в повышение самооценки японцев.

После Токийской Олимпиады японские спортсмены больше никогда не добивались таких успехов. После четвёртого места в Токио они покатались вниз: в Мехико (1968) они заняли пятое место, в Мюнхене (1972) – шестое, в Монреале (1976) – седьмое. После этого они перестали попадать в первую десятку вплоть до Афинской Олимпиады (2004 г., шестое место). Таким образом, спортивные достижения явно не соответствовали экономическому и культурному весу страны. Поскольку японцы доказали себе и миру, что их страна стала мировой державой, государство стало уделять меньше внимания развитию спорта «высших достижений». Основные усилия были направлены на экономику, повышение благосостояния граждан, экологию. В 1964 г. помимо Олимпиады в Токио состоялось ещё одно знаковое событие: первая в Азии сессия Международного валютного фонда. И долгосрочное сотрудничество с ним оказалось для Японии важнее, чем сотрудничество с МОК. Существовала и ещё одна важнейшая причина. В японских школах занятия физкультурой рассматриваются прежде всего с точки зрения поддержания здоровья, а не достижения высокого результата. В спортивные секции вовлечены практически все школьники, но занятия там, помимо обеспечения здоровья, призваны привить им навыки коллективной жизни, что плохо совместимо с воспитанием личности, настроенной на то, чтобы победить, то есть выделиться из коллектива. В связи с этим на низовом уровне не воспитывается массовая готовность к состязательности, что, безусловно, сужает базу профессионального спорта, который является уделом ограниченного количества людей.

* * *

Олимпиада по своей сути является инструментом «мягкой силы», что вошло в драматическое противоречие с господствующими настроениями в довоенной политической элите, которая сделала ставку на силу «грубую». Это привело к добровольному отказу от проведения Олимпиады 1940 года. В послевоенное время Япония стала мирной страной, и все её упования были связаны с «мягкой силой» (развитие экономики, науки и культуры, повышение качества жизни). Такая ориентация обеспечила успешное проведение Олимпиады 1964 года, что позволило японцам существенно повысить самооценку и международный престиж страны. Однако в последующее время государственное внимание к спорту высших достижений ослабевает, поскольку спорт стал рассматриваться как второстепенное средство в арсенале «мягкой силы».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1964 нэн-но токё оримпикку. Сэйки-но сайтэн ва икани какарэ, катарарэта ка : [Токийская Олимпиада 1964 года. Как описывали и как рассказывали о празднике века]. Токио: Кавадэ сёбо, 2014. 213 с.

Гэндай сэсо фудзокуси нэмпё. 1945–2008 : [Хронология истории обличий и обыкновений современности. 1945–2008]. Токио: Кавадэ сёбо, 2009. 552 с.

Мещеряков А.Н. Пожалование и подношение в официальной культуре Японии VIII века // Вещь в японской культуре, М.: Восточная литература, 2003. С.60–73.

Мещеряков А.Н. Страна для внутренней эмиграции: образ Японии в позднесоветской картине мира. // Отечественные записки, 2014, №3. С.45–55.

Суник А. Современные олимпийские игры. Краткий исторический очерк (1896–2012). М.: Советский спорт, 2013. 230 с.

Сэкигути Эйри. Токё оримпикку то нихон банкоку хакурайкай. Сёхи сарэру сюсай куван : [Токийская Олимпиада и японская всемирная выставка. Потребление праздничного пространства] // под ред. Оикава Ёсинобу. Токё оримпикку-то сякай кэйдзай си [Социально-экономическая история токийской Олимпиады]. // Токио: Нихон кэйдзай хёронся. 2009. С.1–38.

Хара Такэси. Сёва тэнно : [Император Сёва]. Токио: Иванами, 2008. 228 с.

Хасимото Кадзуо. Мабороси-но токё оримпикку : [Токийская Олимпиада-призрак]. Токио: Коданся, 2014. 284 с.

Хатано Масару. Токё оримпикку-э-но харубарукана мити : [Долгий путь к токийской Олимпиаде]. Токио: Сосися, 2004. 245 с.

Хитобито-но сэйсинси. Токё оримпикку 1960 нэндай : [Духовная жизнь людей. 1960-е годы – токийская Олимпиада]. Токио: Иванами, 2015. 329 с.

Sandra S. Collins. Orienting the Olympics: Japan and the Games of 1940. A Dissertation submitted to the division of the social sciences in candidacy for the degree of doctor of philosophy. The University of Chicago, 2003.

REFERENCES

1964 nen no Tokyo orimpikku. Seiki no saiten wa ika ni kakare, katarareta ka [Tokyo Olympics of 1964. How it was described and told]. (2014). Tokyo: Kawade Shobo. (In Japanese).

Collins, Sandra S. (2003). *Orienting the Olympics: Japan and the Games of 1940*. A Dissertation submitted to the division of the social sciences in candidacy for the degree of doctor of philosophy. The University of Chicago.

Gendai seso fuzokushi nenpyo. 1945–2008 [Chronology of the history of modern social conditions and customs. 1945–2008]. (2009). Tokyo: Kawade Shobo. (In Japanese).

Hara, Takeshi (2008). *Showa Tenno* [Showa Emperor]. Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Hashimoto, Kazuo (2014). *Maboroshi no Tokyo Orimpikku* [Ghost Olympics of Tokyo]. Tokyo: Kodansha. (In Japanese).

Hatano, Masaru (2004). *Tokyo Orimpikku e no Harubaruna Michi* [Long Way to Tokyo Olympics]. Tokyo: Soshisha. (In Japanese).

Hitobito no seishinshi. Tokyo Orinpikku 1960 Nendai [Spiritual Life of People. 1960 years – Tokyo Olympics]. (2015). Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Meshcheryakov, A.N. (2003). *Pozhalovaniye i podnosheniye v ofitsial'noy kul'ture Yaponii VIII veka* [Awarding and offering in the official culture of VIII century Japan], in *Veshch' v yaponskoy kul'ture* [Thing in Japanese Culture], Moscow: Vostochnaya literatura: 60–73. (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2014). *Strana dlya vnutrenney emigratsii: obraz Yaponii v pozdnesovetskoj kartine mira* [A country for internal emigration: the image of Japan in the late Soviet picture of the world], *Otechestvennyye zapiski*, 3: 45–55. (In Russian).

Segiguchi, Eiri (2009). *Tokyo orimpikku to nihon bankoku hakurankai. Shohi sareru shusai kukan* [Tokyo Olympics and World Exhibition in Japan. Festive space consumption], in Oikawa Shinobu (ed.), *Tokyo orimpikku shakai keizai shi* [Socio-economic history of Tokyo Olympics], Tokyo: Keizai hyoronsha. (In Japanese).

Sunik, A. (2013). *Sovremennyye olimpiyskiye igry. Kratkiy istoricheskiy ocherk (1896–2012)* [Modern olympic games. A brief historical outline (1896–2012)], Moscow: Sovetskiy sport. (In Russian).

Поступила в редакцию 23.10.2020

Received 23 October 2020

Для цитирования: Мещеряков А.Н. История токийских Олимпиад в XX веке // Японские исследования. 2020. № 1. С. 106–129. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10006

For citation: Meshcheryakov A.N. (2020). *Istoriya tokiyskikh Olimpiad v XX veke* [The history of Tokyo Olympic Games in the 20th century], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 1: 106–129. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10006